ПАСТОРЪ ЗЕЙДЕРЪ ПОСЛѢ И ДО ЕГО ССЫЛКИ ВЪ СИБИРЬ

† 24-го іюля 1834 г.

Въ XXI и XXII томахъ „Русской Старины“ за 1878 годъ помѣщены двѣ статьи о страданіяхъ и ссылкѣ въ Сибирь пастора Фридриха Зейдера, сосланнаго по доносу въ 1800 году при императорѣ Павлѣ I-мъ и помилованнаго императоромъ Александромъ 1-мъ въ 1801 году, съ возвращеніемъ въ Петербургъ и дарованіемъ прежняго пасторскаго сана, 2-го января 1802 г. (т. XXI, стр. 489). По поводу этихъ статей привожу изъ моихъ воспоминаній нѣсколько, не лишенныхъ интереса, подробностей. А. И. Штукенбергъ.

I.

Судьба сблизила меня, въ годы моей молодости, съ пасторомъ Зейдеромъ, этимъ многострадальнымъ старикомъ, сблизила послѣ претерпѣннаго имъ, совершенно невинно, тяжкаго испытанія, именно въ 1823 — 1824 годахъ, когда онъ жилъ уже на покоѣ, служа пасторомъ при лютеранской церкви въ Гатчинѣ. Поэтому мнѣ стали извѣстны нѣкоторыя подробности его превратной жизни и личность самого пастора Зейдера, съ чѣмъ намѣреваюсь подѣлиться съ читателями «Русской Старины», на которыхъ, какъ и на современниковъ, катастрофа съ невиннымъ страдальцемъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе и между тѣмъ показала: до чего человѣкъ, проникнутый христіанствомъ, могъ возвыситься духомъ надъ плотію, приравнивая себя къ древнимъ мученикамъ за Христа Спасителя.

Вотъ какъ произошло мое знакомство съ пасторомъ Зейдеромъ и его семействомъ.

Въ 1823 году семейство наше жило въ гор. Вышнемъ-Волочкѣ,

Тверской губерніи, гдѣ служилъ отецъ мой Иванъ Ѳедоровичъ Штукенбергъ, инженеръ путей сообщенія. Мнѣ было тогда 7 лѣтъ, а моему старшему брату Ѳедору 11 лѣтъ.

Въ это время прибылъ въ Вышній-Волочекъ уѣзднымъ врачемъ молодой медикъ Карлъ Ѳедоровичъ Зейдеръ—сынъ пострадавшаго пастора Зейдера; какъ нѣмецъ, онъ вскорѣ сблизился съ нашимъ семействомъ, такъ какъ и отецъ мой былъ тоже нѣмецъ, пріѣхавшій въ 1807 году служить въ Россію изъ Ольденбурга, и мать моя была нѣмка, дочь доктора Рудольфа.

Въ это время моимъ родителямъ наступила пора подумать о правильномъ ученіи моего старшаго брата Ѳедора, для чего Вышній-Волочекъ не представлялъ надлежащихъ средствъ, и брата хотѣли для этого отправить въ Петербургъ въ одинъ изъ хорошихъ пансіоновъ и объ этомъ совѣтовались съ молодымъ докторомъ Зейдеромъ, недавно оставившимъ столицу. Тутъ Карлъ Ѳедоровичъ Зейдеръ объяснилъ, что его отецъ пасторъ въ Гатчинѣ и сестра Марья Ѳедоровна постоянно занимаются обученіемъ дѣтей и для этого берутъ ихъ даже къ себѣ на постоянное жительство или, какъ тогда выражались, на полный пансіонъ, при чемъ онъ такъ расхвалилъ методу своихъ отца и сестры въ воспитаніи и образованіи дѣтей, что родители мои рѣшились отправить къ нимъ не только старшаго сына, но съ нимъ вмѣстѣ и меня. Списались, чрезъ молодаго Зейдера, съ его отцемъ и сестрою, условились обо всемъ и вотъ, послѣ разныхъ приготовленій и многихъ слезъ разлуки, меня съ братомъ Ѳедоромъ усадили въ коляску и съ нами вмѣстѣ поѣхалъ ментором самъ молодой Зейдеръ, принявшій на себя обязанность насъ проводить и сдать своимъ отцу и сестрѣ. Такъ мы простились съ Вышнимъ-Волочкомъ и, бывъ уже въ пути, радовались новому положенію своему, развлекаясь разнообразіями дороги.

Здѣсь кстати замѣчу, что впослѣдствіи мы даже породнились съ семействомъ пастора Зейдера, такъ какъ сынъ его, Карлъ Ѳедоровичъ, въ 1828 году женился на сестрѣ моей матери, Екатеринѣ Густавовнѣ Рудольфъ, и сдѣлался моимъ дядею.

Воспоминанія дѣтства можно сравнить съ живо и вѣрно написанною картиною минувшаго, которая долго была заброшена, оставаясь въ пренебреженіи гдѣ-то на чердакѣ; но вдругъ картина эта понадобилась, ее вытащили на свѣтъ и что-же?—Когда стали разсматривать, оказалось, что она сильно потерпѣла отъ времени; нѣкоторыя мѣста вытерты и даже вырваны, другія видны какъ въ туманѣ; а за то многія такъ ясны и отчетливы и краски такъ ярки, что кажутся только теперь написанными. Нѣкоторые эпизоды жизни хотя съ про-

бѣлами такъ живы предъ глазами, что помнишь: какъ кто былъ одѣтъ, какъ говорилъ, но забываешь его лицо; то нить жизни представляется день за день безъ перерыва, то забываются цѣлые мѣсяцы. Если вообще вздумаешь вспомнить выдающагося человѣка, то неразлучно онъ представляется съ окружающей обстановкой, безъ которой личность его трудно себѣ выяснить. Въ концѣ концовъ—худое забывается и хорошее помнится лучше!

Съ этимъ взглядомъ прошу принять и мои воспоминанія, за время, которое я съ братомъ пробылъ въ Гатчинѣ въ домѣ пастора Зейдера.

И вотъ лѣтомъ 1823 года, кажется въ іюнѣ мѣсяцѣ, коляска наша съ ментором и двумя мальчиками—мною и братомъ—остановилась въ Гатчинѣ предъ небольшимъ деревяннымъ домомъ; мы вошли въ него, пройдя дворъ черезъ калитку у воротъ, и насъ встрѣтила сперва пожилая дама, съ глубоко впавшими въ орбиты глазами,—очень нарядно одѣтая,—то была Марья Ѳедоровна Зейдеръ, старшая дочь пастора; потомъ вышелъ къ намъ еще довольно бодрый старикъ средняго роста, въ долгополомъ сюртукѣ, сѣдой, съ особенною прическою, окаймлявшею какъ на картинѣ его добродушное, но морщинистое лицо,—это былъ самъ пасторъ Зейдеръ. Онъ обнялъ сперва сына своего—нашего ментора, потомъ обласкалъ меня и брата; но говорили мы мало и то только съ Марьей Ѳедоровной, такъ какъ пасторъ по русски не говорилъ, а мы съ братомъ иначе не объяснялись, хотя уже умѣли читать и писать по нѣмецки; за то Марья Ѳедоровна свободно говорила по русски, какъ и ея братъ, такъ что я съ моимъ братомъ болѣе всего обращались къ нимъ, особенно къ Карлу Ѳедоровичу, какъ къ знакомому.

При этой первой встрѣчѣ меня болѣе всего заняла прическа пастора Зейдера,—сѣдые волосы его, покрывая всю голову, раздваивались надъ высокимъ лбомъ проборомъ и, зачесанные въ гладь болѣе назадъ, заканчивались внизу кругомъ головы двумя рядами буклей, въ родѣ двухъ ступенекъ, доходившихъ до ушей. Пастору тогда исполнилось 52 года.

Мы обжились и первымъ дѣломъ: отъ насъ требовали разговора на нѣмецкомъ языкѣ и мы иначе ничего не могли получить, какъ должны были все спрашивать по нѣмецки, что сперва очень насъ затрудняло, но за то черезъ 3—4 мѣсяца мы уже свободно объяснялись на господствовавшемъ въ домѣ пастора языкѣ. Пасторъ былъ ласковъ, а дочь его очень строга; послѣднее сперва огорчало, но потомъ привыкли и познали пользу точности и аккуратности.

Началось ученіе, но меня съ братомъ посадили врознь и я всегда учился въ кабинетѣ самого пастора. Это была небольшая комната

съ двумя окнами на улицу и съ одной дверью насупротивъ оконъ; въ углу направо у окна стояло бюро пастора съ откидной доской. У этого бюро сидѣлъ Зейдеръ долгіе часы и занимался особенно передъ воскресеньемъ, сочиняя проповѣдь; тутъ онъ выслушивалъ уроки отъ меня и брата, который, отвѣтя, уходилъ въ свою комнату. Здѣсь кстати замѣтить, что пасторъ Зейдеръ тогда писалъ лѣвою рукою, такъ какъ правая у него была сломана во время его несчастнаго путешествія въ Сибирь и дурно залѣчена.

Позади мѣста, гдѣ предъ своимъ бюро сидѣлъ бокомъ къ окну пасторъ, стоялъ между оконъ столикъ и за него-то усаживали меня учиться, такъ что пасторъ сидѣлъ обыкновенно ко мнѣ спиной, что было для меня очень сподручно, такъ какъ позволяло не все смотрѣть въ книгу или въ тетрадь, а глазѣть по сторонамъ.

Въ комнатѣ нашей царствовала тишина. Скучно было мнѣ такъ сидѣть, но случай далъ мнѣ развлеченіе: разъ я замѣтилъ, что изъ щели на полу вышла мышь и безъ боязни расхаживала около моихъ неподвижныхъ ногъ, такъ какъ мнѣ приказано было сидѣть смирно. На другой день я запасся хлѣбомъ и положилъ мыши корму; она это замѣтила и завела со мною тѣсную дружбу. Такимъ образомъ трое обитателей комнаты—пасторъ, я и мышь, проводили очень пріятно время въ безмолвной бесѣдѣ при сонной тишинѣ, которая изрѣдка прерывалась кашлемъ старика или приходомъ брата и моимъ вставаньемъ отвѣтить наши уроки или показать, что я написалъ, что пугало мою таинственную гостью и заставляло ее скрыться.

Еще въ кабинетѣ пастора занимали меня стоявшія на полу въ углу, у окна, двѣ корзинки съ камнями,—это были минералы, привезенные имъ изъ Сибири. Я разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ: тутъ были куски сердолика, халцедона, горнаго хрусталя и агата и разныя руды. Все было сильно покрыто пылью,—и пасторъ о нихъ не говорилъ ни слова, какъ вообще,—сколько слышалъ я и отъ другихъ, — онъ никогда не упоминалъ о своей печальной исторіи и о далекомъ путешествіи. Предупрежденные объ этомъ, мы съ братомъ не смѣли его разспрашивать, особенно я былъ еще очень малъ, чтобы любопытствовать, но братъ Ѳедоръ—постарше меня — узналъ отъ другихъ нѣкоторыя подробности, которыхъ потомъ коснусь. Впрочемъ, пасторъ былъ съ нами очень добръ, говорилъ назидательно и часто давалъ деньги, по нѣсколько грошей, на лакомство, особенно когда поспѣвали яблоки.

Пасторъ Зейдеръ имѣлъ свои причуды—у него былъ при церкви кистеръ (въ родѣ пономаря)—Томасъ, который ему прислуживалъ и дома. По воскресеньямъ Томасъ, послѣ обѣдни, обыкновенно покупалъ

пастору крендель, котораго доставало аккуратному хозяину на завтраки на всю недѣлю, при чемъ ежедневно около полудня онъ отрѣзалъ кусокъ и закусывалъ, удѣляя иногда и мнѣ, — а остальное до другаго дня замыкалъ въ стеклянный шкафъ съ книгами. Къ субботѣ всегда оставался остатокъ и тогда онъ призывалъ своихъ любимцевъ мопса и кота и бросалъ этотъ остатокъ имъ на драку, которая причиняла зрителямъ смѣхъ, а дѣйствующимъ царапанье, визгъ и мяуканье. На шумъ прибѣгала иногда Марья Ѳедоровна и гвалтъ удвоивался. Но вотъ трогательная черта въ характерѣ пастора: если ему попадались мѣдныя деньги съ буквою П (то есть времени Павла I-го, при которомъ пасторъ пострадалъ), то онъ ихъ откладывалъ и столбцы этой монеты стояли на выступѣ у печки и онъ ихъ расходовалъ только, подавая милостыню нищимъ, которыхъ было не мало въ Гатчинѣ.

Чаще всѣхъ посѣщалъ насъ домашній врачъ Деппъ, который одно время ходилъ препоясанный саблею, такъ какъ въ Гатчинѣ развелось много бѣшеныхъ собакъ, и хотя для избіенія ихъ была отряжена особая команда фурманщиковъ, но въ это время всѣ были въ страхѣ. Убивали безъ разбору всѣхъ собакъ, выбѣгавшихъ на улицу, при чемъ безвинно погибъ и любимый черный мопсъ пастора, очень горевавшаго по своемъ преданномъ псѣ.

Иногда у пастора собирались гатчинскіе бюргера; тогда покупалось съ дюжину бѣлыхъ глиняныхъ трубокъ, какія мы видимъ теперь только на фламандскихъ картинахъ и которыя были тогда въ ходу, не смотря на свою ломкость, и вотъ въ облакахъ кнастера, при распиваніи пива, шла оживленная бесѣда.

Помню еще, что къ пастору часто приносили на домъ чухонцы крестить младенцевъ и тогда появлялся на сцену кистеръ Томасъ, ставилось на покрытый столъ въ большой комнатѣ оловянное блюдо съ водою и происходило крещеніе на чухонскомъ языкѣ—слышалось: Юмала! Юмала!

Вмѣстѣ со мною и братомъ воспитывалась и жила въ семьѣ пастора дѣвочка лѣтъ 11—Лина, краснощекая и хорошенькая собою; она охранялась подъ особеннымъ крылышкомъ Марьи Ѳедоровны, оберегавшей ее отъ мальчиковъ; но такъ какъ заступница часто уходила въ гости, то мы все-таки съ Линой нерѣдко играли и любимая игра была въ свадьбу,—братъ Ѳедоръ былъ женихъ,—Лина невѣста, и я вѣнчалъ ихъ какъ пасторъ, иногда видя какъ вѣнчалъ настоящій пасторъ въ нашей церкви.

Жена пастора, Людвига, была уже давно умершею вслѣдъ за ссылкой мужа, и хозяйство вела дочь—Марья Ѳедоровна. Иногда бы-

вали и бурныя домашнія сцены между пасторомъ и его дочерью. Такъ, Марья Ѳедоровна, какъ сказано, любила ходить въ гости къ сосѣдямъ и очень часто опаздывала къ обѣду, а пасторъ былъ въ этомъ отношеніи пунктуаленъ. Помню, столъ уже былъ давно накрытъ, часъ обѣда насталъ, а хозяйки все еще не было дома; пасторъ ходилъ въ волненіи около стола и сѣтовалъ; наконецъ, послѣ долгаго ожиданія и нерѣдко посылки за нею, являлась Марья Ѳедоровна; тогда пасторъ становился у одного конца стола, а дочь у противуположнаго и начинался крупный разговоръ, который кончался тѣмъ, что подавали супъ, всѣ садились и все забывалось за сладкимъ супомъ, который былъ любимымъ и, какъ нельзя лучше, служилъ примиреніемъ.

Въ это время комендантомъ императорскаго дворца въ Гатчинѣ былъ генералъ Штенгеръ, почтенный, видный собой и еще очень бодрый; онъ жилъ въ самомъ дворцѣ. Генералъ Штенгеръ любилъ и уважалъ пастора Зейдера и если самъ не бывалъ у него, за то часто приглашалъ къ себѣ пастора и Марью Ѳедоровну, а они брали съ собою брата моего и меня, такъ какъ въ семействѣ Штенгера было два мальчика, Фрицъ—воспитанникъ и Васинька—сынъ Штенгера. Первый былъ ровесникъ моему брату Ѳедору, а второй—мнѣ, и мы попарно очень подружились. Для насъ былъ настоящій праздникъ, когда мы отправлялись въ гости къ Фрицу и Васинькѣ, какъ мы выражались, или когда они бывали у насъ. Первое—открывало намъ свободный доступъ во дворцѣ ко всѣмъ его роскошнымъ рѣдкостямъ и параду, а главное въ залъ, гдѣ для царскихъ дѣтей были собраны всевозможныя игры, забавы и развлеченія; тутъ былъ дѣтскій театръ, деревянная для катанья гора, качели, кегли и многое другое. Въ этомъ залѣ въ зимнее и ненастное время предавались мы всевозможнымъ дѣтскимъ забавамъ, разумѣется, подъ надлежащимъ присмотромъ, а лѣтомъ гуляли въ паркѣ и въ звѣринцѣ, заходили у пруда въ подземную галлерею подъ грандіознымъ сводомъ, мрачную и такую длинную, что конецъ ея, проведенный подъ дворецъ, скрывался во мракѣ; тутъ мы перекликались съ эхомъ. Второе, когда Фрицъ и Васинька приходили въ гости къ намъ въ домъ пастора, при которомъ былъ большой дворъ, тутъ мы предавались болѣе вольнымъ играмъ на свободѣ; къ этому собирались и другіе знакомые мальчики—сынъ директора воспитательнаго дома Брюмера и нѣкоторые изъ воспитательнаго дома, въ ихъ рыжихъ курткахъ изъ сукна верблюжьей шерсти. Дружнымъ обществомъ, не разбирая, кто былъ аристократъ, кто плебей,—мы составляли одну равную семью. Игры наши были, бо́льшею частью, воинственныя, а по-просту говоря, раздѣлялись на двѣ стороны:

одна нападала, а другая защищалась. Для этого строили завалы изъ дровъ, прикрывая тылъ стѣною сарая, и перестрѣливались щепками. Пасторъ Зейдеръ смотрѣлъ на все это снисходительно и со вниманіемъ, не давая намъ увлекаться и горячиться, а если были раненые, то отправлялись на перевязочный пунктъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, которая умѣряла свою строптивость, такъ какъ тутъ играли и комендантскія дѣти. Я былъ еще очень малъ и часто попадалъ въ страдательное положеніе. Храбрѣе всѣхъ изъ вашей компаніи былъ Фрицъ, всегда предводительствовавшій. Личность этого мальчика мнѣ врѣзалась въ память болѣе другихъ: отважный, ловкій, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ; его свѣтлосѣрые глаза были проницательны и повелительны и покоряли насъ. Изъ этого мальчика вышелъ впослѣдствіи всѣмъ извѣстный энергичный генералъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ; онъ надолго сохранилъ дружбу съ моимъ братомъ Ѳедоромъ, хотя они шли въ жизни разными путями, и встрѣчался съ нимъ всегда какъ съ своимъ братомъ. Пріѣзжая въ Петербургъ, всегда его отыскивалъ. Тѣ же отношенія сохранились и у меня съ Васинькой, впослѣдствіи генераломъ, хотя мы съ нимъ рѣдко встрѣчались.

Помню еще важное событіе, когда мы жили у пастора Зейдера въ Гатчинѣ. Насъ внезапно разбудили ночью и наскоро одѣли; пасторъ заботливо успокоивалъ насъ, а Марья Ѳедоровна собирала вещи. Мы недоумѣвали, что это значитъ, какъ вдругъ раздалось роковое слово—пожаръ! Мы съ братомъ выбѣжали на улицу и во мракѣ ночи увидѣли, что прямо противъ нашей улицы огромный языкъ пламени вырывался изъ-подъ крыши воспитательнаго дома съ правой стороны и клубы дыма, еще чернѣе ночи, подымались къ верху и застилали небо. Скоро огонь обхватилъ все зданіе и пожаръ продолжался потомъ весь день и оно сгорѣло до тла; при этомъ чуть не погибъ самъ директоръ Брюмеръ, — онъ, задыхаясь отъ дыма, былъ уже безъ чувствъ и лежалъ на полу въ комнатѣ; но тамъ отыскалъ его сынъ— нашъ сподвижникъ по играмъ, и отецъ былъ вытащенъ и спасенъ.

Позднѣе я былъ въ Гатчинѣ и на мѣстѣ сгорѣвшаго стараго деревяннаго воспитательнаго дома нашелъ воздвигнутымъ новое прекрасное каменное зданіе, сложенное изъ плиты, которое существуетъ и по нынѣ.

Зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1824 года, по семейнымъ нашимъ обстоятельствамъ, къ намъ въ Гатчино неожиданно пріѣхала наша матушка и взяла меня и брата отъ пастора Зейдера, у котораго мы прожили полтора года и навсегда сохранили добрую память о почтенномъ гуманномъ старикѣ пасторѣ и его дочери, получивъ у нихъ начальное образованіе. Изъ Гатчино насъ повезла мать въ Петер-

бургъ, гдѣ мы нашли еще рѣзкіе слѣды бывшаго огромнаго наводненія 7-го ноября 1824 года, напримѣръ, въ Коломнѣ на улицѣ еще стояло большое судно—живорыбный садокъ, и продавалось много подмоченныхъ заржавленныхъ ножей и ножницъ по дешевой цѣнѣ. Здѣсь брата Ѳедора отдали сперва въ пансіонъ Эмме, а потомъ опредѣлили въ военно-строительное училище вѣдомства путей сообщенія, а меня мать увезла домой, въ Вышній Волочокъ.

Послѣ я уже не видалъ пастора Зейдера, который жилъ безвыѣздно въ Гатчинѣ, за то я изрѣдка встрѣчался въ Петербургѣ съ Марьей Ѳедоровной—его дочерью, впослѣдствіи вышедшей замужъ за г. Зубахина.

Пасторъ скончался 24-го іюля 1834 года, въ томъ самомъ году, когда я, окончивъ кадетскій курсъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, вышелъ въ офицеры прапорщикомъ, именно, 17-го мая 1834 года. Помню, что, когда я жилъ у пастора, Марья Ѳедоровна показывала намъ его миніатюрный портретъ, срисованный очень хорошо красками на кости, еще до несчастія съ нимъ; конечно, не могу упомнить черты лица на портретѣ, но помню напудренную голову и довольно выдающійся носъ. Гдѣ теперь этотъ портретъ—не знаю. Не достался ли онъ внукамъ,—сыновьямъ Карла Ѳедоровича Зейдера? Ихъ трое, Ѳедоръ, Николай и Густавъ Карловичи [1]), и внучка Екатерина Карловна, нынѣ монахиня и казначейша въ православномъ монастырѣ въ Вяткѣ. Всѣ четверо еще здравствуютъ и если у кого нибудь изъ нихъ портретъ дѣда сохранился,—вѣроятно, подѣлится имъ, дозволивъ отпечатать, въ гравюрѣ, при „Русской Старинѣ“.

Какъ уже сказано, пасторъ Зейдеръ никогда не говорилъ о своей несчастной исторіи; но за то на смертномъ одрѣ молчаніе это отразилось со всей силою въ грезахъ агоніи: ему все казалось, что его ведутъ на казнь, что онъ въ оковахъ и душа его томилась, переживая вновь тяжкія страданія, пока не отлетѣла на вѣчный покой. Такъ разсказывала дочь Марья Ѳедоровна о послѣднихъ часахъ жизни своего достойнѣйшаго родителя.

---

[1]) Николай Карловичъ—полковникъ, раненый въ сраженіи при Алмѣ въ Крыму, теперь воинскій начальникъ въ Пензѣ; Густавъ Карловичъ тоже военный, полковникъ, гдѣ теперь—не знаю, кажется въ Ѳеодосіи, и Ѳедоръ Карловичъ, по спеціальности лѣсничій, гдѣ теперь—тоже не знаю. Отецъ ихъ медикъ, Карлъ Ѳедоровичъ, умеръ въ Саратовѣ въ 1845 году. А. Ш.

II.

Разсказавъ то, что я зналъ о жизни пастора Зейдера и обстановкѣ ея, послѣ перенесенныхъ имъ бѣдъ, когда онъ жилъ уже на покоѣ въ Гатчинѣ, обласканный вдовствующею императрицею, супругою Павла I, Маріей Ѳедоровной, дававшей ему отъ себя пенсію и домъ для жительства,—коснусь его несчастной исторіи и ссылки въ Сибирь, о чемъ могу сообщить также нѣкоторыя подробности и пролить новый свѣтъ на причину его несчастій,—какъ узналъ отъ брата и что слышалъ въ Сибири, гдѣ я впослѣдствіи находился на службѣ и, прибывъ въ Иркутскъ 2-го августа 1836 г., случайно попалъ на квартиру въ томъ самомъ домѣ, гдѣ останавливался, во время своей ссылки, пасторъ Зейдеръ.

Послѣ пребыванія нашего въ Гатчинѣ у пастора Зейдера, я разстался съ братомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ надолго и если встрѣчался, то на короткое время, такъ какъ воспитывались и потомъ служили мы въ разныхъ мѣстахъ; наконецъ, судьба насъ свела всѣхъ вмѣстѣ на жительство въ нашемъ родномъ Вышнемъ-Волочкѣ, въ 1844 году, гдѣ прожили вмѣстѣ до 1850 года. Тутъ мы часто вспоминали наше житье-бытье у пастора Зейдера въ Гатчинѣ и вотъ что разсказалъ мнѣ мой братъ изъ слышаннаго имъ и что, по моему мнѣнію, имѣетъ связь съ несчастной исторіей пастора.

Когда пасторъ Зейдеръ, ничего не чая въ будущемъ, жилъ въ полномъ счастіи въ Лифляндіи въ Ранденѣ, онъ однажды лѣтомъ пошелъ гулять, что часто дѣлалъ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ письмахъ, чтобы обозрѣвать свои поля; зайдя за селеніе, онъ вдругъ попалъ на слѣдующую сцену, разыгравшуюся на дорогѣ, вдали отъ жилья.

Одинъ его знакомый лифляндскій баронъ, при другомъ товарищѣ прогулки, билъ чухонскаго мальчика, а кругомъ бѣгало испуганное небольшое стадо свиней съ поросятами. Оказалось, что этотъ мальчикъ былъ пастухъ, который гналъ по дорогѣ свою хрюкающую паству и какъ разъ попалъ на встрѣчу гулявшимъ, барону и его товарищу, при чемъ раздавались крикъ и плачъ, а неразумныя животныя, расбредясь во всю ширину дороги, загородили путь и попадали подъ ноги проходившимъ. Баронъ осерчалъ и сталъ бить и издѣваться надъ пастухомъ; тутъ пасторъ вступился за послѣдняго, отнялъ его отъ разсерженнаго барона и наговорилъ ему много непріятныхъ и обидныхъ для его важности словъ при двухъ свидѣтеляхъ.

Оказанное пасторомъ предпочтеніе бѣдному пастуху предъ зна-

комымъ важнымъ бароном̀ъ очень оскорбило послѣдняго, но онъ молча удалился, закусивъ губы. Вскорѣ послѣ этого происшествія къ пастору на домъ пришли нѣсколько чухонъ и принесли окрестить младенца, котораго мать держала на рукахъ бережно закутаннымъ. По обыкновенію, было поставлено кистеромъ на столъ блюдо съ водою и началось крещеніе; но пасторъ, читая молитвы, замѣтилъ, что крестимый имъ ребенокъ какъ-то необыкновенно кричитъ не человѣческимъ голосомъ; онъ удивился и подумалъ, не больной ли ребенокъ? Подойдя къ женщинѣ, державшей его на рукахъ, полураскрылъ голову младенца, и каково же было удивленіе священнослужителя, когда онъ увидалъ, вмѣсто ребенка, спеленаннаго поросенка? Пасторъ былъ сильно изумленъ и оскорбленъ такъ, что, прекративъ богослуженіе, тотчасъ послалъ кистера привесть кого-то изъ земской полиціи и, составя протоколъ, формально донесъ о такомъ богохульномъ случаѣ. Было произведено слѣдствіе и чухонцы, вызвавшіе крестины, заявили, что они были на такой безобразный поступокъ подъучены и принуждены бароном̀ъ, именно тѣмъ самымъ, котораго разбранилъ пасторъ за пастуха. Изъ этого вышла большая непріятность свинскому барону и онъ поклялся за это отомстить пастору Зейдеру.

Вскорѣ послѣ этого разыгралась несчастная исторія съ утраченной пасторомъ книгой Лафонтена [1]), давшей поводъ къ доносу Туманскаго, который причинилъ пастору такъ много бѣдъ.

Насколько все это справедливо—не могу утверждать; но въ самой автобіографіи пастора Зейдера нахожу причины думать, что было еще что-то другое, кромѣ доноса Туманскаго, возбудившее такой неумолимый гнѣвъ императора Павла I. Такъ, въ письмѣ пастора Зейдера (т. XXII, стр. 120) говорится: «что книга эта была кѣмъ-то выкрадена изъ посылки, которая оказалась вскрытою». Далѣе, въ письмѣ пастора, при описаніяхъ, что было съ нимъ послѣ казни (т. XXI, стр. 482), упоминается, «что къ нему подошелъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ и издѣвался надъ нимъ, уже осужденнымъ и опозореннымъ, и называлъ его «якобинцемъ и революціоннымъ проповѣдникомъ, негодяемъ, заслуживающимъ еще разъ быть наказаннымъ кнутомъ!», далѣе пасторъ прибавляетъ: «я зналъ его, т. е. этого барона, еще въ Лифляндіи, гдѣ онъ хотѣлъ пріобрѣсть репутацію умнаго человѣка, но слылъ за развратника».

Не былъ ли это именно тотъ самый баронъ, который, смѣ-

---

[1]) Книга эта въ XXI томѣ „Русск. Стар.“, изд. 1878 г., стр. 463, названа: „Gewalt der Liebe“ (Сила любви), а въ XXI т. (стр. 120) „Herold der Liebe“ (Вѣстникъ любви). А. Ш.

шавшись на дорогѣ со свиньями, встрѣтился съ пасторомъ на его прогулкѣ въ Ранденѣ, а потомъ устроилъ глумленіе надъ крестинами но, понеся за это, вѣроятно, кару, написалъ, можетъ быть, на пастора Зейдера доносъ съ клеветою, въ родѣ тѣхъ обвиненій, которыми осыпалъ несчастнаго баронъ Унгеръ-Штернбергъ, подойдя къ нему послѣ казни?

Иначе какъ объяснить себѣ безпощадный гнѣвъ Павла I на пастора Зейдера; вообще жестокость императора къ судьбѣ несчастнаго, не смотря на заступничество многихъ уважаемыхъ особъ и въ особенности столь сильнаго тогда при дворѣ графа Палена?

Предоставляю читателямъ «Русской Старины» самимъ обсудить мою догадку, именно, что не было ли на пастора Зейдера другаго обвиненія, болѣе тяжкаго, нежели за запрещенную книгу, особенно еще по тайному доносу на его образъ мыслей и на его проповѣди? Такимъ доносамъ вѣдь нѣтъ границы, особенно если ихъ подсказываютъ личная злоба и месть!

На это могутъ мнѣ возразить: почему же самъ пасторъ Зейдеръ не упоминаетъ въ письмахъ о разсказанномъ мною столкновеніи его съ барономъ изъ-за пастуха и объ обманѣ на крестинахъ по наущенію барона, за что онъ и понесъ кару и поклялся отомстить; также почему пасторъ, приводя брань и ненависть къ нему барона Унтеръ-Штернберга, высказанныя въ тяжкія для пастора минуты (послѣ казни), не объясняетъ причину этого озлобленія барона? На это я отвѣчу, что пасторъ могъ умолчать обо всемъ этомъ, особенно о первомъ, чтобы не унижать свою высокую трагедію такимъ тривіальнымъ пассажемъ, и ограничился однимъ рѣзкимъ неопредѣленнымъ отзывомъ, поименовавъ только при этомъ фамилію.

Служа въ Восточной Сибири въ 1836—1840 гг., я узналъ въ Иркутскѣ, что пасторъ Зейдеръ въ своей ссылкѣ далѣе Иркутска не слѣдовалъ, такъ какъ здѣсь застала его вѣсть о смерти императора Павла I и вмѣстѣ о помилованіи его новымъ императоромъ. Если сообразить, что пасторъ Зейдеръ отправился въ ссылку [1]), какъ видно изъ писемъ его, отъ 12-го іюня 1800 г., а 26-го сентября былъ только близь Казани, и хотя онъ началъ путь свой изъ Петербурга, вывезенный на плохой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь («Р. С», т. XXI, стр. 485), то по всей вѣроятности, что потомъ онъ дальнюю дорогу въ Сибирь совершалъ пѣшкомъ, а можетъ быть и на подводѣ,

---

[1]) Пасторъ Зейдеръ, что также любопытно знать, провелъ заключеніе въ Петербургѣ, во время казни, въ полицейскомъ домѣ Каретной, теперь Александро-Невской, части. А. Ш.

слѣдуя за партіей ссыльныхъ, какъ тогда и долго спустя проводили въ ссылку осужденныхъ. Путь этотъ, какъ я узналъ на мѣстѣ, продолжался около года только до Иркутска (до 6,000 верстъ), при чемъ „несчастные“ (такъ ихъ въ Сибири называютъ), слѣдуя по немъ, совершали ежедневно переходы до 30 верстъ и потомъ ночевали въ этапной тюрьмѣ, и такъ шли далѣе, а заболѣвшіе оставались еще долѣе. Пасторъ Зейдеръ въ этомъ пути заболѣлъ и останавливался въ Тобольскѣ, гдѣ, должно быть, онъ и сломалъ себѣ правую руку, такъ что потомъ сталъ писать лѣвой. Поэтому онъ въ Иркутскъ могъ прибыть не ранѣе какъ въ апрѣлѣ 1801 г., а императоръ Павелъ I скончался въ ночь на 12-ое марта того-же года, о чемъ вѣсть въ Иркутскъ могла придти тоже не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ, значитъ въ апрѣлѣ 1801 года. Здѣсь, вѣроятно, пастора Зейдера и застало Высочайшее помилованіе, а потому онъ далѣе не слѣдовалъ, такъ какъ до Нерчинска оставалось еще 1000 верстъ, а до нерчинскихъ заводовъ-рудниковъ, гдѣ работали ссыльные еще 300 верстъ.

Въ Иркутскѣ пастору Зейдеру, по объявленіи помилованія, предъ возвращеніемъ въ Петербургъ, данъ былъ отдыхъ, при чемъ за нимъ ухаживали, и на проѣздъ было выдано тысячу руб. пособія и казенная подорожная, такъ что онъ совершилъ обратный путь скорѣе и съ удобствомъ. Такова была успокоившая всѣхъ милость императора Александра I.

Потерпѣвшаго невинно пастора Зейдера,—по разсказамъ, которые я слышалъ позже,—когда онъ прибылъ въ Петербургъ, будто-бы самъ императоръ Александръ Павловичъ встрѣтилъ у заставы и тутъ онъ былъ прикрытъ знаменами, въ знакъ снятія съ него позора, причиненнаго осужденіемъ, а затѣмъ императоръ взялъ его въ свою коляску и привезъ во дворецъ. Здѣсь онъ былъ почтенъ ласками высочайшихъ особъ и напутствованъ милостями. Затѣмъ вскорѣ, какъ уже извѣстно, именно 2-го января 1802 года, ему былъ возвращенъ санъ пастора, тѣмъ самымъ пасторомъ Рейнботомъ, который давалъ ему святое причащеніе и напутствіе христіанской вѣры предъ казнью.

Во всей этой тягостной исторіи есть надъ чѣмъ призадуматься христіанину, философу и историку!

А. И. Штукенбергъ.

1-го октября 1886 г.
С.-Петербургъ.